

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)
В63

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук **Иванюк С. А.**,
Приказчикова Т. А., **Скорченко И. А.**, канд. полит. наук **Смолянский П. В.**

Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации [Текст] : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 80-летию начала контрнаступления советских войск под Сталинградом, Волгоград, 29–30 сент. 2022 г. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2022. – 578 с.

ISBN 978-5-9669-2220-7

В сборнике представлены материалы IV Международной научно-практической конференции «Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации». Конференция, организованная Музеем-заповедником «Сталинградская битва» при поддержке Фонда «История Отечества», состоялась в г. Волгограде 29–30 сентября 2022 года. Приоритетными темами работы конференции стали 80-летие начала контрнаступления советских войск под Сталинградом, 100-летие окончания Гражданской войны в России, 350-летие со дня рождения Петра I.

Издание предназначено для музейных и научных работников, сотрудников архивов, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9669-2220-7

© ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва», 2022
© Оформление. Издательство Волгоградского государственного университета, 2022

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ЗАГОВОРЕ ИНЖЕНЕРА Н.П. АЛЕКСЕЕВА В ЦАРИЦЫНЕ В АВГУСТЕ 1918 г.

NEW MATERIALS ABOUT THE PLOT OF ENGINEER N.P. ALEKSEEV IN TSARITSYN IN AUGUST 1918

Ганин Андрей Владиславович

Ganin Andrey Vladislavovich

Доктор исторических наук

Dr. Hab. (History)

Институт славяноведения Российской академии наук

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу новых документов по делу о заговоре инженера Н.П. Алексеева, расследовавшемуся Царицынской ЧК в августе 1918 г.

Ключевые слова: Гражданская война, РККА, белое подполье, Царицын, А.Л. Носович, алексеевский заговор.

Abstract. The article is devoted to the analysis of new documents about the conspiracy of engineer N.P. Alekseev, investigated by the Tsaritsyn Cheka in August 1918.

Key words: Civil War, Red Army, white underground, Tsaritsyn, A.L. Nosovich, Alekseevsky conspiracy.

В речи по военному вопросу на VIII съезде РКП(б) 21 марта 1919 г. лидер партии и глава Советского государства В.И. Ленин сказал: «Заслуга царицынцев, что они открыли этот заговор Алексеева» [5, с. 136]. Что же это был за заговор, о котором практически неизвестно? Историческая наука до сих пор не дала объективной оценки тем событиям, не ответила на вопрос, имел ли место заговор на самом деле или же речь шла о сфабрикованном деле, а многие опубликованные сведения носят полужанровый характер.

В конце 2021 г. Управление Федеральной службы безопасности России по Волгоградской области по заявлению автора этих строк частично рассекретило материалы дела о заговоре инженера Н.П. Алексеева в Царицыне в августе 1918 г. Речь идет примерно о четверти всего объема дела из 282 листов [1]. Возможно, в дальнейшем будут открыты и другие материалы, поскольку в недоступной части, например, содержится экземпляр доклада белого агента в Красной армии А.Л. Носовича, который не составляет никакого секрета, не имеет отношения к чекистским документам (подготовлен белым генералом для белого командования), хранится в целом ряде экземпляров в общедоступных архивах и неоднократно опубликован [3; 6, с. 417–428].

Реконструировать картину событий вокруг этого дела крайне сложно. Тем более, что история обороны Царицына масштабно фальсифи-

цировалась в советское время, а полного доступа к документам по-прежнему нет. И все же на основе того, что открылось, можно сделать определенные наблюдения и выводы.

Итак, во второй половине августа 1918 г. Царицынской ЧК были произведены аресты предполагаемых участников контрреволюционного заговора, во главе которого по версии ЧК стоял инженер Н.П. Алексеев. Арестованы тогда были многие лица, в том числе явно не причастные. Прежде всего, член коллегии Главного нефтяного комитета коммунист К.А. Махровский со своей супругой, также членом партии. Ключевыми арестованными считались инженер Н.П. Алексеев и его сыновья. Все они участвовали в экспедиции Главного нефтяного комитета на Северный Кавказ для вывоза нефти. Алексеевых быстро расстреляли, а Махровских после длительного ареста освободили, тем более, что никакой вины за ними не было, а, кроме того, за них вступился сам В.И. Ленин [2, л. 108]. Попробуем на основе новых документов разобраться, что же в анализируемом деле можно отнести к заговорщическим действиям. Прежде всего, нас будут интересовать царицынские подпольщики, поскольку версия о причастности к заговору правительственного назначенца Махровского не нашла подтверждения.

Мы уже ввели в научный оборот свидетельства бывшего начальника штаба Северо-Кавказского военного округа, белого агента в Красной армии А.Л. Носовича. Эти материалы

проливают свет и на события дела Алексеева. По данным Носовича, инженер Алексеев контактировал с офицерской трудовой артелью в Царицыне. О том, что заговорщики состояли в некоем офицерском союзе, закрытом большевиками в Царицыне, вспоминал и председатель Царицынской ЧК А.И. Червяков [8, с. 291]. Обратим внимание на эту линию расследования.

Из материалов Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоявшей при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России, было известно о заговоре и о том, что он оказался раскрыт вследствие предательства поручика Д. Степаньянца [7, с. 34]. Это подтвердилось и в материалах дела, где содержатся важные показания Степаньянца. Таким образом, белые обладали достоверной информацией отнюдь не из советской печати. Более того, именно из показаний Степаньянца видна связь дела Алексеева с работой подпольной ячейки генерала А.Л. Носовича. Так, 6 октября 1918 г. Степаньянец дал дополнительные показания о соратнике Носовича полковнике В.П. Чебышеве и о его связи с алексеевской организацией [1, л. 69-69об.]. Кроме того, по делу о заговоре Алексеева был расстрелян сотрудник артиллерийского управления штаба округа А.Н. Цветков, хранивший оружие и связанный с Чебышевым [1, л. 279]. Несмотря на противоречивость показаний Степаньянца, а также отдельные неточности, из документа следует, что Чебышев был связующим звеном между подпольной ячейкой Носовича и организацией Алексеева.

Значимым источником являются объемные показания присяжного поверенного И.И. Котова, считавшегося руководителем политической части заговора. Ценность этого документа в том, что он составлен известным местным политическим деятелем, который честно изложил ход событий.

30-летний Иван Иванович Котов (1888–1918), несмотря на короткую жизнь, был заметной фигурой в Царицыне. Он родился там же в семье врача-народовольца. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Работал присяжным поверенным. Как участник революционного движения он находился под надзором с 1905 г. Был выслан и вернулся в Царицын в 1912–1913 гг. Состоял в партии эсеров. В 1917 г. был царицынским уездным комиссаром Временного правительства и по Саратовскому округу был избран депутатом Учредительного

собрания [10, с. 319]. Котов был арестован на квартире заговорщиков, где спал. У него были обнаружены приказ восставшим и воззвание к населению. По делу о заговоре Алексеева Котов был расстрелян уже 19 августа 1918 г. Перед казнью его пытали – вывихнули руки [7, с. 34].

В деле представлены как оригинал показаний [1, л. 54–58], так и их машинописный набор [1, л. 47–48]. Дата документа неизвестна.

Котов показал, что состоял в партии эсеров около 13 лет, то есть примерно со времени Первой русской революции. Прежде всего, он отметил, что если в чем-то и участвовал, то не в составе партии, а лично. При этом покривил душой насчет тактики эсеров, которые вовсе не отказывались от подпольной работы, заговоров и восстаний.

Как эсер Котов отрицательно относился к атаману П.Н. Краснову, ассоциируя его успехи с приближением черной реакции. Однако он так же относился и к большевикам, считая власть советов несвоевременной, а диктатуру пролетариата невозможной для того уровня развития страны. Котов полагал, что западные страны могли бы осуществить социалистическую революцию, а Россия была бы вовлечена в орбиту их влияния. Но сам же признавал, что надежд на революцию в Европе почти нет.

Из показаний видны рассуждения много словного, оторванного от жизни книжного интеллигента, наивно-идеалистически верившего в светлое будущее и в торжество демократии. Реалии большевистского следствия он прочувствовал на себе: отсутствие защиты, невозможность ознакомиться с материалами дела, избияния и, в конце концов, расстрел.

Котов отрицал свое участие в заговоре, хотя из показаний картина его причастности вырисовывалась. Будучи честным человеком, он не стал утаивать, что среди его знакомых действительно велись разговоры о вооруженном свержении большевиков в Царицыне. Фигура депутата Учредительного собрания импонировала заговорщикам, которые хотели привлечь Котова к своей работе, чтобы повысить статус намечаемого предприятия. Котов отказался от участия в заговоре, но продолжал встречаться с заговорщиками и сообщил им, что после свержения большевиков сможет принять участие в организационной работе, если новая власть будет демократической. Из показаний

также следовало, что заговорщики были связаны с сербским консулом.

Группы противников большевиков встречались в Союзе торгово-промышленных служащих Царицына. В них участвовал и бывший офицер Г.А. Угневенко, обсуждавший с товарищами возможность организации офицерства. Котов свидетельствовал, что «принимал иногда кой-какое участие в разговорах. Говорилось, что вот было бы недурно офицеров организовать, привлечь фронтовиков, но указывалось, что из этого ничего не выйдет, если не примут участие здесь и рабочие.

Все эти разговоры не были достаточно обставлены с внешней стороны, чтобы я мог принять эти разговоры за заседания штаба и не предполагал, что эти разговоры повлекут за собой осуществление этих планов» [1, л. 55об.]. При этом он приводил смехотворный аргумент, что это были не заседания, а разговоры, так как не было председателя. Котов говорил участникам обсуждений, что выступление преждевременно и без широкого участия рабочих ничего не получится, кроме того, он считал, что без решения продовольственных вопросов у захвата власти также нет перспектив. В другом месте он показал: «Это были разговоры без преследуемой цели и больше ничего» [1, л. 57об.].

По словам Котова, он не доверял заговорщикам. В ходе расследования Котов участвовал в очных ставках с Угневенко и Степаньянцем. И если другие лица, дававшие показания, не всегда внушают доверие, то Котов как депутат Учредительного собрания, насколько можно судить, описал реальную картину событий, сводившуюся к встречам антибольшевистски настроенной группы и к разговорам о возможном свержении большевиков. Разговоры эти не производили на Котова серьезного впечатления.

В свое оправдание Котов отметил, что ездил в Москву на длительный срок, и если бы в Царицыне намечался серьезный заговор, он бы не стал уезжать. По поводу заседания, после которого его арестовали, Котов показал, что на явочную квартиру он пришел лишь переночевать. Там застал человек пять. Причастность к написанию воззвания заговорщиков Котов отрицал, но при аресте у него было найдено воззвание поволжского областного комитета партии эсеров.

Показания Котова иногда сумбурны и путаны, но, тем не менее, дают представление о

том, что происходило. Интересно, что в документе не упоминается инженер Алексеев, что оставляет вопрос о степени его причастности к заговору открытым.

Благодаря рассекречиванию материалов дела удалось установить ряд других важных обстоятельств. Например, там имеются показания одного из руководителей заговора поручика Г.А. Угневенко, из которых следует, что в организацию он был введен офицером Н.В. Корнеевым (Карнеевым) примерно за три недели до арестов [1, л. 76]. Как показал Степаньянц, Угневенко состоял в офицерской организации, причем в целях конспирации лишь каждые десять человек знали фамилию начальника, а начальник – фамилии подчиненных [1, л. 53]. Корнеев давал Угневенко различные поручения, имелся пароль. Однажды в Предтеченском саду Угневенко встречался с сыном Алексеева, упомянувшим о том, что у организации имелось пять пулеметов [1, л. 76].

Сохранился якобы найденный у Угневенко приказ № 1, который содержал план захвата Царицына в 2 часа 30 минут ночи 17 августа. В документе упоминался отряд № 1 численностью 255 штыков, которому поручалось занять штаб обороны Французского завода и военные склады Орудийного завода. На Французском заводе требовалось захватить два пулемета и орудие. Вооружиться также необходимо было на Орудийном заводе. У заводов выставлялась охрана. Кроме того, людей предписывалось направить для наблюдения за железной дорогой, а остальных выслать к Волге для задержания пароходов.

Отряд № 2 неизвестной численности в 2 часа ночи должен был занять телеграфную станцию, почтово-телеграфную контору и станцию Царицын Юго-Восточной железной дороги (ныне – Волгоград-I), ЧК (последнюю занимала часть отряда № 2 численностью 62 штыка и 32 сабли).

Отряду № 6 в составе 100 штыков поручалось в 2 часа ночи занять станцию Царицын Владикавказской железной дороги (Тихорецкий вокзал, ныне – Волгоград-II). Специальная команда должна была разобрать пути в семи верстах от города. Отряд Артиллерийской школы должен был занять Клуб коммуны. Отряд фронтовиков численностью 900 штыков в 2 часа 30 минут ночи должен был занимать станцию Царицын Юго-Восточной железной дороги, захватить бронепо-

езд, депо и эшелоны, Военно-революционный комитет (ВРК) на станции, гараж, склад винтовок на винном складе и на Донской улице, почтово-телеграфную контору на Анастасийской и Воронежской улицах. Также требовалось захватить Волжский вокзал, ЧК, два катера-истребителя у пристани «Русь», штаб начальника царицынского гарнизона И.В. Тулака на Царицынской улице в доме Никонова.

Из 900 штыков 200 выделялись на захват станции, бронепоезда, депо, эшелонов; 100 человек должны были захватить ВРК; по 50 человек выделялись на захват почтово-телеграфной конторы, а также на захват гаража и склада винтовок на винном складе; на станцию Царицын Владикавказской дороги требовалось направить 100 человек и столько же на захват ЧК и Волжского вокзала; на захват истребителей и штаба Тулака также требовалось по 100 человек. После захвата станции Царицын Юго-Восточной дороги там необходимо было оставить 100 человек.

Производился захват Совета депутатов с броневиком, телеграфной станции штаба Красной армии, штаба обороны, отдела снабжения на Александровской площади, номеров Кленова, подворья Краснощекова, гостиницы «Москва», помещения казачьей секции, комендатуры на Гоголевской улице. В этом должен был участвовать отряд сербов численностью 300 человек. Офицерская организация брала радиотелеграф и казармы на Успенской улице в доме Мальцева (на углу Успенской и Ломоносовской улиц). Для этого требовалось 150 человек. В приказе упоминался также отряд склада «Нобель», который должен был прибыть в распоряжение штаба некоего полка.

Таким образом, общая численность предполагавшихся участников восстания превышала полторы тысячи человек.

Чекисты связывали заговор с работой союзников. В частности, с французской военной миссией. Чекист Грулевич показал, что иностранные консулы выдали поручикам Вассовичу и Угневенко 20 000 руб. на восстание и в случае победы обещали еще деньги [1, л. 23]. Был арестован французский вице-консул в Царицыне Ш. Шарбо, сотрудничавший с подпольем и параллельно занимавшийся спекуляцией галантереей и другими товарами. По советским данным в заговор были вовлечены американские вице-консулы в Тифлисе Барри и Р.Ф. Леонард, а так-

же помощник сербского военного атташе подполковник Миливой Вукичевич [9, с. 131]. Осенью 1918 г. в целях компрометации заговорщиков были опубликованы документы о том, что Вукичевич совместно с московским купцом А. Колесниковым занимался спекуляцией мануфактурой и галантереей [9, с. 131]. Вукичевич бежал, но в 1919 г. был арестован. Барри и Леонард были арестованы, при них нашли переписку с генералом Лавернем.

1 октября 1918 г. арестованные в Царицыне члены американской и французской миссий препровождались в распоряжение ВЧК по предложению председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского и Народного комиссариата иностранных дел [1, л. 22]. Дело в том, что бывший бакинский комиссар С.М. Тер-Габриэлян – член Главного нефтяного комитета – предложил использовать арестованных для обмена на бакинских комиссаров, захваченных Закаспийским временным правительством. Датский вице-консул Скоу-Кильдсен ходатайствовал об освобождении консулов и обещал помочь в освобождении комиссаров. Председатель Царицынской ЧК Червяков отправил консулов в Москву под конвоем. Впрочем, комиссары к тому времени были уже расстреляны (это произошло в ночь на 20 сентября 1918 г.).

По делу Алексева в Царицыне расстреляны были не менее 23 человек (в том числе инженер Алексеев и двое его сыновей) [4, с. 35–46]. Алексеевых с другими важными фигурантами расстреляли уже 19 августа, вторую группу – 24 августа, а третью – 10 сентября [1, л. 7–8]. Бывшими офицерами являлись не менее 13 человек. Все они были в невысоких чинах. Среди тех, чьи данные известны, самый старший чин имел штабс-капитан А.К. Фадеев. Неясно, однако, почему руководил офицерами младший в чине поручик Угневенко. Тем более, что среди арестованных упоминался и полковник М.И. Хмелев, которому удалось бежать. По подсчетам деникинской комиссии сверх 23 человек позднее были расстреляны еще четверо [7, с. 35].

По совокупности свидетельств с разных сторон можно сказать, что в Царицыне действительно возник заговор офицерской трудовой артели, пытавшейся, взаимодействуя с сербскими военными, поднять восстание. Эта попытка была упреждена чекистами. Тем не менее, расследование велось Царицынской ЧК совершенно непрофессионально. Огромное значение придава-

лось несущественным вещам, а все фигуранты огульно считались контрреволюционерами. Для получения нужных показаний широко применялись побои. Уже степень выполнимости намеченных планов захвата Царицына, а также вовлечения в эти события инженера Н.П. Алексеева неясна (например, начальник политической части заговора И.И. Котов даже не упомянул Алексеева в показаниях). Неизвестна и реальная численность заговорщиков. Если верить свидетельствам белых, Алексеев был связан с подпольем в Москве и по этой линии установил контакты с царицынскими офицерами-подпольщиками. К сожалению, утверждать что-либо более определенно до открытия полного доступа к материалам следственного дела не приходится.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Архив Управления ФСБ России по Волгоградской области. Ф. 6. Д. 2063-ОФ.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5718.

3. «Вредить большевизму всеми возможными способами». Белый агент в Красной армии // Источник. 1999. № 5. С. 61–67.

4. ВЧК – ГПУ. Док. и мат. Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995. 272 с.

5. Ленинский сборник. М.: Государственное издательство, 1970. Т. 37. 399 с.

6. Носович А.Л. Белый агент в Красной армии: воспоминания, документы, статьи. Под ред. А.В. Ганина. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 576 с.

7. Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России. Ростов-на-Дону, 1919. Вып. 3. Большевики в Царицыне. 78 с.

8. Червяков А.И. Чекисты в обороне Царицына // В боях за Царицын. Сталинград: Сталинградское книжное издательство, 1959. С. 288–294.

9. Зеленин В.В. Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России 1917–1921. М.: Мысль, 1977. 253 с.

10. Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОССПЭН, 2008. 463 с.